

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник выходит к первой годовщине со дня кончины Маргариты Ивановны Лекомцевой (10 декабря 1935 – 29 января 2018). Его заглавие, оно же посвящение, — «О семиотике языка и ее исследователе» — родилось из сочетания двух самых важных для нее как ученого понятий: язык и семиотика. Отчасти оно перефразирует заглавие итоговой книги М. И. Лекомцевой «Устройство языка» (2007)¹, поскольку это самое точное определение того, чем она занималась всю жизнь — от первых студенческих лет до последних месяцев жизни, когда продолжала обдумывать статью о языковых играх.

М. И. Лекомцева выбрала свой жизненный путь еще школьницей, когда в последних классах по собственной инициативе отправилась в университет, в старое здание МГУ на Моховой. К счастью, школьницу никто из аудитории не удалил, и по крайней мере год она слушала лекции университетских профессоров, поскольку школьные уроки уже не удовлетворяли ее интеллектуальных запросов. Видимо, поэтому поступление на филологический факультет в 1953 г. прошло как-то естественно и незаметно. Родители, озабоченные слабым здоровьем дочери, хотели, чтобы она подлечилась, и дочь, только став студенткой, призналась, что сдала экзамены в университет.

Маргарита Ивановна всегда вспоминала о своем студенчестве с радостью. Рассказывала, что поскольку для занятий сравнительно-историческим языкознанием в семинаре Вяч. Вс. Иванова

¹ В ней были собраны основные ее статьи. Автор подверг свои труды тщательному отбору. Не вошла в том и монография «Типология структур слога в славянских языках» (1968).

необходим был широкий языковой опыт, то начала усиленно заниматься санскритом (по санскриту она писала курсовые и дипломную работы и всегда говорила об этих занятиях с упоением). Летом они с подругой (опять по собственной инициативе!) отправились в Литву изучать литовский язык (без этого не могли продвинуться серьезные занятия индоевропеистикой). В кратких словах предисловия к «Устроению языка» передавая свой студенческий опыт, Маргарита Ивановна называет еще занятия по ивриту, сравнительной грамматике арабских языков, древнеиранским языкам зенд и Авесты. Древнегреческий и латинский входили тогда в обычную университетскую программу, но углублялись самостоятельными занятиями. Она считала знание языков чем-то настолько само собой разумеющимся, что вопросы по этому поводу находила странными. В школьные годы она изучила немецкий (по-немецки читала потом лекции в Германии и Австрии) и французский (на нем беседовала и переписывалась с иностранными коллегами); потом к ним прибавился английский, на котором Маргарита Ивановна читала лекции в Йеле и написала ряд статей. Со временем основным предметом ее исследований сделались балтийские и славянские языки (что подразумевало и их знание!), ибо после окончания университета Маргарита Ивановна была принята на работу в сектор структурной типологии Института славяноведения Академии наук. Тогда сектором руководил В. Н. Топоров (затем руководство перешло к Вяч. Вс. Иванову, потом — к Т. М. Николаевой). Это место работы так и осталось единственным — М. И. Лекомцева не покинула его до своего выхода на пенсию, хотя имела немало заманчивых предложений со стороны других академических институтов — Института русского языка, Института языкознания, Института востоковедения, а в 1990-е годы и со стороны западных университетов.

Поздние студенческие годы ознаменовались для М. И. Лекомцевой двумя переломными событиями — IV международным

съездом славистов в Москве (1958), «когда можно было общаться с живыми Р. О. Якобсоном, А. Вайяном, М. Фасмером и др.»², и почти одновременно — увольнением из университета научного руководителя Вяч. Вс. Иванова за отказ осудить роман Пастернака «Доктор Живаго». Студенты, в том числе, Маргарита Ивановна, пытались протестовать, конечно, безуспешно. К счастью, дело закончилось для них без особых последствий. М. И. Лecomцева всегда с благодарностью вспоминала проф. П. С. Кузнецова, который стал руководителем ее дипломной работы и направил на первое полевое исследование — описание языка мокши. Затем, уже в 1970-е гг., полевые экспедиции в Полесье, связанные с изучением не только диалектов, но и этнографии и фольклора этого пограничного региона, помогли выйти за пределы лингвистических исследований.

Для начала 1960-х годов главными событиями в ее жизни стали знакомство с будущим мужем Юрием Константиновичем Лecomцевым (13.09.1929 – 21.09.1984) и симпозиум по семиотике 1962 г. в Москве, где Маргарита Ивановна выступила с докладом и где было положено начало будущей Московско-Тартуской (или Тартуско-Московской) семиотической школе.

В 1964 г. М. И. Лecomцева защитила кандидатскую диссертацию «Фонологическая система языка с точки зрения алгоритмов синтеза (на материале старославянского языка)». Тема с очевидностью свидетельствует о фокусе на лингвистической методологии и теории. Эти идеи активно обсуждались тогда не только на научных заседаниях сектора структурной типологии, но и дома, а также в кружке ученых-единомышленников, прокладывавших новые пути в лингвистике — с В. М. Илличем-Свитьичем (1934–1966), В. А. Дыбо, его женой В. Г. Чургановой (1931–1998) и др. Однако начало Тартуско-Московской школы, по признанию самой Маргариты Ивановны, «было как бы расширением Вселен-

² Лecomцева М. И. Устроение языка. Сборник трудов. М., 2007. С. 13–14.

ной», включив в круг ее интересов вопросы поэтики и общей семиотики. В результате, подводя итоги своего пути в науке, она, со свойственной ей лапидарностью и точностью, писала:

Если постараться прочертить пунктиром мой собственный путь в науке, то он будет выглядеть следующим образом: от сравнительно-исторического языкознания к типологии фонологических систем (в особенности в ареальном аспекте), далее — к попыткам перенести принципы, выработанные в фонологии, на уровень семантики, изучение специфики семантического пространства языка (начиная со структуры семантической единицы к структуре текста, главным образом, поэтического) и затем — к семантике риторических фигур. Параллельно меня интересовал процесс образования смыслов в других семиотических системах, что выразилось в анализе конкретных произведений литературы и искусства³.

Библиография трудов М. И. Лекомцевой, помещенная в настоящем сборнике, свидетельствует о том, сколь широкий круг тем и проблем охватывают ее работы. Как писал С. Ю. Неклюдов о трудах первого поколения ученых Тартуско-Московской семиотической школы:

Если начать вспоминать самые интересные, самые блестящие работы этой плеяды, то в первом ряду несомненно окажутся доклады и статьи Маргариты Лекомцевой, в которых тонкий и изящный анализ весьма разнообразного материала — будь то архаическое искусство аборигенов Груг-Айленда или сочинения Климента Охридского — всегда сочетался с глубокими размышлениями и выводами, относящимися к структуре и семантике текстов культуры⁴.

Сама М. И. Лекомцева относилась к своим работам строго, считала их незавершенными и не заботилась об их сохранении и библиографировании. В результате перед изданием книги «Устрое-

³ Там же. С. 17.

⁴ *Неклюдов С.Ю.* К Юбилею М. И. Лекомцевой // <http://www.ruthenia.ru/document/551917.html>

ние языка» и составлением списка трудов пришлось потратить немало усилий для их выявления. Первоначальный список, переданный самой Маргаритой Ивановной, состоял из перечня десяти (!) названий — это были статьи, опубликованные в тартуских «Семиотиках». Потом она страшно удивлялась, увидев окончательный список⁵.

Авторы настоящего сборника пытались, по мере сил, затронуть тот спектр проблем, которыми занималась Маргарита Ивановна: семиотика фольклора (С. Неклюдов, Я. Курсите), семиотика живописи (Н. Злыднева), поэтика и лингвистика художественного текста (Л. Найдич – А. Павлова, Р. Лахманн, Р. Бобрык), проблемы семиотического перевода и интерпретации текста (Е. Фарыно, Э. Янус, Р. Гжегорчикова, Т. Добжиньска, О. Седакова), праславянская лингвогеография (Л. Куркина), прагматика языка (Л. Киселева), общие вопросы семиотики культуры (М. Лотман), но многие излюбленные ею области (фонология, лингвистическая типология, афазия, стиховедение, теория мультипликации, первобытное искусство и др.) остались неохваченными.

Маргарита Ивановна живо интересовалась самыми разными сферами человеческого знания — философией, математикой, генетикой, биологией, не говоря о семиотике и истории искусства. Иногда ссылки и попутные рассуждения об античной философии, о немецком романтизме, об экзистенциализме, как и ссылки на Святых отцов проскальзывают в ее работах и примечаниях к ним. Но, как верно пишет о М. И. Лекомцевой в настоящем сборнике О. Седакова: «Она писала гораздо меньше, чем думала. С ней было интересно говорить о множестве вещей, которые она успела глубоко обжить, продумать, изъяснить —

⁵ На самом деле, видимо, не окончательный, а тот, который удалось сложить путем усилий немалого числа добрых помощников, имена которых читатель найдет в примечании к «Библиографии работ Маргариты Ивановны Лекомцевой» в настоящем сборнике.

и о которых не собиралась писать. Это была просто текущая жизнь ее интеллекта и сердца».

К научному общению Маргарита Ивановна подходила строго. Она считала беседы с коллегами-учеными способом обмена идеями, новыми наработками. Если она не могла предложить собеседнику ничего, с ее точки зрения, нового, то необходимость встретиться и звонить по телефону для нее отпадала. Она ценила конференции как место научного общения, поэтому в последние годы, после резкого ухудшения состояния здоровья и ограничения подвижности, невозможность участвовать в научных форумах, как и заниматься в библиотеках стали для нее подлинной трагедией.

Строгость в подходе к научному общению не исключала живого участия в людях (знакомых и незнакомых), интереса к их жизни, душевным переживаниям. Общение с М. И. Лекомцевой, будучи всегда духовно наполненным, никогда не подавляло. Ей не приходило в голову гордиться своей эрудицией, она была уверена, что собеседник знает гораздо больше нее (хотя, возможно, в другой, в действительности лишь предполагаемой ею, области), поэтому она любила слушать больше, чем говорить. Вообще к людям она относилась с той редкой душевной щедростью, которая позволяла ей замечать их достоинства и проходить мимо их недостатков. Создавалось впечатление, что среди ее окружения (достаточно широкого и разнообразного) не было «плохих», если не считать бюрократов от науки и сотрудников «компетентных органов», от которых ей и Ю. К. Лекомцеву пришлось претерпеть немало неприятностей (о чем, слушая ее воспоминания, можно было порой догадаться по некоторым коротким репликам).

Открытость и бескорыстное стремление делиться всем, что было для нее дорого — не только научными идеями, но и широкими знаниями и тонким пониманием литературы, музыки, изобразительного искусства, философскими и религиозными раз-

мышлениями — все это делало общение с Маргаритой Ивановной легким и радостным.

В ее всеохватных художественных интересах всегда поражала открытость новому и авангардному — как в музыке, где она особенно ценила С. Губайдулину, А. Пярта, А. Шнитке, Э. Денисова, К. Пендерецкого, так и в архитектуре (С. Калатрава)⁶, в кино. В поэзии она постоянно открывала для себя новые имена молодых авторов, еще не достигших известности⁷. В этих ростках нового она умела видеть будущее (которому не всегда дано было осуществиться, но она в своем восприятии как бы давала этим начинающим поэтам шанс!). Пока могла ходить на концерты, любила не только выступления выдающихся музыкантов, но и начинающих — стремилась не пропускать выпускных концертов студентов Московской консерватории в Рахманиновском зале.

Живопись Маргарита Ивановна знала превосходно, можно сказать, изнутри. Художником был ее муж Юрий Константинович, профессиональными художниками были его родители — Наталия Александровна Гиппиус и Константин Михайлович Лекомцев, их ближайшие родственники. Посещение музеев и выставок, детальное обсуждение увиденного было частью семейного быта. Обладая поразительной зрительной памятью, Маргарита Ивановна помнила в деталях картины, виденные ею в разные периоды жизни и в разных городах, помнила, где любимые полотна висели в Эрмитаже или Третьяковке. Она очень радовалась, если находила в собеседнике малейший интерес к живописи вообще и особенно к искусству столь ценимого ею авангарда (русского и западного), а также к иконописи — словом, ко всему тому в искусстве, что требует от зрителя некоторой подготовки и особого вдумчивого внимания.

⁶ Сама Маргарита Ивановна перечислила бы гораздо больше имен, это только те, которые она упоминала чаще всего.

⁷ Поэзию — русскую, немецкую, английскую, французскую — она любила самозабвенно, здесь перечисление имен было просто нереальным.

Люди тянулись к ней, и М. И. Лекомцева умела найти общий язык с каждым. Можно только позавидовать студентам, которым она читала лекции — на рубеже 1990-х – 2000-х годов по общему языкознанию, истории семиотики, семиотическому анализу текста, риторике в Москве в РГГУ; в 1990-е годы — разнообразные курсы в Йельском университете, в Граце, Геттингене, Констанце. Ее студенты сохраняли с ней контакт долгие годы после окончания этих лекций и семинаров, и начавшееся в аудитории общение иногда перерастало в дружбу.

Настоящий сборник, составленный друзьями и коллегами М. И. Лекомцевой, — это, прежде всего, дань благодарной памяти ученому, чьи труды продолжают вдохновлять исследователей. «Чтение работ М. И. Лекомцевой, — пишут В. А. Дыбо и С. А. Крылов, — вызывает «стимулирующий» эффект <...> заставляет задуматься над множеством острых проблем теоретической фонологии, типологии, лингвогеографии, компаративистики, поэтики и стиховедения»⁸. Им вторит С. Ю. Неклюдов: «Труды Маргариты Ивановны по сей день не утрачивают своей актуальности, они по-прежнему остаются в активе гуманитарной науки, они читаются, они нужны»⁹. Однако явление М. И. Лекомцевой принадлежит не только истории лингвистики и семиотики, истории Тартуско-Московской семиотической школы, истоков которой она стояла, оно принадлежит истории культуры. Теперь, когда прошел год со дня ее кончины, можно отнести и к ней те слова, которые очень любивший ее Юрий Михайлович Лотман сказал о ее муже Ю. К. Лекомцеве: «Само его существование — и в науке, и в жизни — обращало окружающих к сути, восстанавливало те масштабы, которыми должна мериться

⁸ Дыбо В. А., Крылов С. А. О книге М. И. Лекомцевой «Устройство языка» // Лекомцева М. И. Устройство языка. Сборник трудов. М., 2007. С. 11.

⁹ Неклюдов С. Ю. К Юбилею М. И. Лекомцевой // <http://www.ruthenia.ru/document/551917.html>

жизнь»¹⁰. Маргарита Ивановна тоже возвращала всех, кто имел счастье ее знать, к духовным основам бытия, и своим обликом и самостоятельным побуждала окружающих становиться лучше. Авторы настоящего сборника хотели сказать ей за это спасибо. Надеемся, что и читатели, ближе соприкоснувшись с личностью Маргариты Ивановны (хотя бы через помещенные здесь фотографии и отзывы коллег, в частности, очерки А. Кубулини, Б. Страхальской, О. Седаковой), разделят с нами эту благодарность.

А. Киселева

¹⁰ *Лотман Ю. М. In memorem // Труды по знаковым системам, XX: Актуальные проблемы семиотики культуры. Тарту, 1987. С. 146. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 746).*